

КРОКОДИЛ

НЕ ОБ'ЕДЕШЬ!

Рис. Ив. Малютин.

...Нынч дорогой Калиныч во фрак не наряжается. А ему постоянно приходится принимать у себя в Кремле в торжественной обстановке дипломатов. На-днях он пригласил присутствовать на приеме трех беспартийных крестьян-членов ЦИК. Уж этих-то сынов земли ни в какой фрак не спрячешь,—так в своем деревенском одеянии :1 остались!..»
Из статьи тов. Соенского.

ПЕРВЫЙ ХОДОК:—(прислушиваясь к речи дипломата)—Что это он там лопочет?
ВТОРОЙ ХОДОК:—Нак ни боржочи, все равно нашего Михайла Ивановича не об'едешь!

ПО ПРИНЦИПУ ДЕМОКРАТИИ.

Кресло для совдурака.

Не спешите, хватит места!
Цель теперь не далека:
Скоро мы посадим в кресло
Матерого дурака!

Рис. М. Черемных.

Ендараков, старший курьер при Сергее Ивановиче, расхваливал Живцову свое место. — То-есть, ни в жизнь бы я с этой должности не сошел, если бы не приспичило мне в деревне дом строить. Но там, сам понимаешь, без своего глазу нельзя. Место же мое превосходное, спокойное, а в соответствии важности общественного значения — почти равное секретарским обязанностям. Будешь ты на нем, прямо скажу, как сыр в масле! Место сидячее, хождения иметь не приходится, и, вообще, никакой особенной колготни.

Живцов вздохнул и сказал: — Так-то оно, так... Я бы не прочь, откровенно вам говоря. Дело мне по душе. Одно меня затрудняет: политика с посетителями. Боюсь, Иван Василич, по новизне полсжения оказаться не на высоте!

— Пустое дело! — пренебрежительно заявил Ендараков. — Вопрос навыка одного дня!

— Так-то оно так... Но Сергей Иванович товарищ Акациев — особа ответственная. Каждого к нему не допустишь. С другой же стороны, по фамилиям я никого у вас пока не знаю. Не ходите же о каждом отдельно докладываться, Иван Василич?

— Пустое дело! — повторил Ендараков. — Тут, так сказать, по принципу внутри партийной демократии приходится действовать, вот и все!

— Каждого допускать?.. — изумился Живцов. Ендараков снисходительно улыбнулся, поднял указательный палец и произнес:

— Ни, отнюдь! Дело тут в соответствии обращения. Приходит, допустим, фигура неизвестного положения и обращается: «Извиняюсь, товарищ: могу я видеть товарища Акациева»?.. Или, например: «Скажите, товарищ: товарищ Акациев принимает?»..

— Я бы не допустил! — сказал, ухмыльнувшись, Живцов.

— Совершенно правильно! — одобрил Ендараков. — Тут ты никакой демократической уравнительности в обращении не замечаешь, и тебе ясно: обращается птица неважная и даже во все товарищу Акациеву неизвестная. Ты, значит, не вставая со стула, объясняешь: «Товарищ Акациев очень заняты и не принимают; пройдите в 117 комнату, к секретарю»...

— Это уж что ж!.. Понятное дело! — сказал Живцов.

— Понятное, — подтвердил Ендараков. — Но если обращение, скажем, такое: «Сергей Иванович у себя»?.. Тут, разумеется, нужно ответить: «Одну минуточку обождать потрудитесь... Сейчас я»...

— ...«У секретаря увспрошу! Кажется, у них кто-то есть», — быстро докончил Живцов.

Ендараков одобритительно кивнул головой:

— Совершенно резонно! Дело свое, вижу я, ты понимаешь! Пойдем теперь дальше. К самому трудному перейдем. Приходит, к примеру, неизвестная тебе

личность и, глядя поверх тебя, с небрежностью говорит: «Акациев здесь?»..

— Встаю, конечно, со своего стула... «Пожалуйста-с, — мол; — через эту комнату, вон в ту дверь-с!».. — вскочил, поклонился и отбарабанил Живцов.

— Хм!.. — произнес Ендараков. — Оно, пожалуй, и так, но есть тут и запятая. Вопрос, так сказать, в некотором смысле дискуссионный и требующий дополнительного освещения. С одной стороны, конечно, тут в обращении — полное демократическое равенство и даже, может, служебное превосходство. Но, с другой стороны... гм!..

— А именно-с, Иван Василич? — удивленно спросил Живцов.

— Именно-то?.. — повторил Ендараков. — Ловкач нынче народ пошел, вот что именно-то! Не одни мы с тобой эту музыку понимаем: посетители тоже насчет демократического обращения насобачились! Намедни один — аккурат вот так же: «Акациев здесь?».. Я и допусти со всем уважением. А он и оказался — докучный проситель мелкого разряда, и Сергей Иванович, товарищ Акациев, даже представления о нем никогда не имели!

— Ну-ну!.. — развел руками Живцов. — До чего ж приспособились! Публика, можно сказать!..

Ендараков крикнул и сказал: — И-да-с, народец! Можно ихней чести приписать! Но, однако же, такие случаи — это не часто... А вообще говоря, место мое могу рекомендовать тебе по чистой совести. Политика с посетителями?.. Пустяки, дело навыка одного дня!

Грамен.

КОНКУРС на СОВДУРАКА продлен до 1-го января.

Крокодил-чудотворец.

На стекольном заводе при ст. «Минеральные Воды» ни в одной рабочей комнате нет икон. Вместо них на стенах красуются вырезанные из «Крокодила» картинки.

Из корреспонденции.

Преподобного Ипатия —
Худощавого мужичку —
Преподобно, после снятия,
Изрубили на лучину.
С ним отца — пустынножителя
Пресвятого Ферапонта...
И Викентия-святителя

Призвали для ремонта:

— Им заткнули — жкий зрек —
Щель оконную при всех!
А на место освещенное,
Где и поп кадил постом,
Водрузили чудо оное —
С чешуею и хвостом.
Ну и зубы окаляные!
Ну и чрево, ну и зрак!
На прицеле вилы бранные,
А на вилках — СОВДУРАК.
— И в сиянии от вил
Злая надпись: «Кра-ка-дил!»
Так и сели мы: «святители»...

А рабочий говорит:
— Вы за нами не хотите ли
На небесный колорит!
Небеса ли нам прибежище?..
Чудотвори й — Крокодил!
Не в одном уже убежище
Он прохвоста находил,
Да ка-ак ткнет его при всех —

Смех!!.

Ал. Григорович.

БИБЛИОТЕКА „КРОКОДИЛА“.

Вышло из печати и поступило в продажу:

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Демьяна Бедного

В ОДНОМ ТОМЕ, заключающем в себе свыше 400 стр.

Красочная обложка работы художника В. Сварога.

Вступительная статья Н. С. Еремеева.

Критический очерк Л. Войтоловского.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ КАРТИНКИ.

„Н Э П“.

Что за шум на Пролетарской? Кто народ сюда созвал?

Свеже пахнувшая краской, манит вывеска в подвал:

«Ресторан «Собачья свора». Открывается на днях.

Кабинеты. Лучший повар. Вина марки «Карданах».

Чистота по гигиене. Первоклассный ресторан.

От двенадцати на сцене кабаре и хор цыган».

Перед вывеской толпяся, возмущается народ

— Это что-ж такое, Вася?

— Нэп, засуй те масло в рот!

— Эх, одно тебе скажу я, в жисть сюда не попаду!

— Мало резали буржуев в восемнадцатом году!

— Глянь, и к нам приперла нэпка.

— Это что-ж за кабара?

Кто-то выругался крепко.

— Вась! Пошли! Домой пора!

Две упитанные шубы, по обличью зав и зам, растянув улыбок губы, щурят весело глаза.

— Хе-хе-хе! «Собачья свора». Остроумно!

— Хорошо!

— Жаль, открытие не скоро. Я сегодня бы зашел.

— Хорошо поют цыгане.

— А цыганки! Красота!

— Был на днях я в ресторане с Пал Иванчем из Куста.

Дербалыгнули, как надо, пили водку и ликер, а потом поперли на дом, прихватив цыганский хор...

Кто-то кожаный и юный, мрачно в вывеску воззрясь, постоял и сочно сплюнув, процедил сквозь зубы:

— Мразь!

Вечер. Все в «Собачьей своре» ждет гостей давным давно.

На эстраде кашель в хоре. На столах цветы, вино.

Как на выставке, на стойке в ряд закуски залегли.

Словно пес застыв на стойке, ждет хозяин знака «пли!».

Постепенно, друг за другом, посетители ползут. Штопор пробки рвет упруго, как дантист больному зуб.

Пулеметом бьет чечетка, тарарыкает рояль.

— Человек! А где-ж селедка!

— Дай-ка соус провансаль!

— Ну-ка дернем по четвертой: мишка, ты чего не пьешь?

— Человек! Какого черта нам котлет не подаешь?!

Словно дым из труб фабричных к потолку табачный дым.

Чей-то бас густой и зычный заорал:

— Лакей! Воды!

— Ну-ка, Сень, давай повторим!

— Эй, бутылку Ньюрасо!

Все быстрее в «Собачьей своре» закрутилось колесо.

— Пососи-ка эту фигу!

— Вася! Милай! Дорогой!

Кто-то срочно едет в Ригу, опрокинув стул ногой.

Три часа. В тумане синем тускло светят фонари. Из подвала лезут свиньи, хрюком встретив свет зари.

Архип.

ВЕРА НЭПМАНА.

Спросили нэпмана: зачем он в церковь ходит,

Когда в обмане он греха, сердешный, не находит!

Зачем потом он молится, когда домой придет

Усердно, долго так, что градом льется пот?!

Купец в ответ сказал: — «Не знаете вы дела,

Молитвы—для души обманы-же для тела!»

А. Е.

КВАРТИРА.

(С натуры).

На двери огромный плакат:

Дом № 5, кв. № 73

Иванову — один короткий.

Петрову — два «

Сидорову — три «

Залманзону — четыре «

Сапогову — один длинный.

Абрамчик — два « и т. д.

Кончается этот список совершенно невразумительно:

Колпакову — два коротких и три длинных, Мурашкиной, наоборот, — три длинных и два коротких, а Воробейчику стучать...

Позвоните так, как рекомендуется этим списком — вам или совсем никто не отопрет, или выйдут сразу трое.

— Так и есть, к Залмановичу... Ему два длинных и пять коротких, а вы одного раза не дозвонили! Не стану я для Залмановича отпирать!

— Да вы скажите ему — пусть сам отопрет!

— Я не прислуга, чтобы всем докладывать! Может-быть, его и дома нет!

— А может-быть, он дома... Он обещал...

— Так пусть сам отпирает!

И еще три голоса поддерживают за дверью:

— Швейцаров нашли! Отпирать!

С десяти утра жизнь в квартире бьет ключом.

— Вы чего мой примус жгли!

— Нужен мне ваш примус! Я свой разжигала, посмотрите — теплый!

— Чужой примус жгут, а свой для отвода глаз подогревают. Наказание!

— Чего вы там орете, — слышится мужской голос из-за стены, — всю ночь работал и спать не дадут!

— А вы не дрыхните до двенадцати! Подумаешь, люди на службу, а ему — спать!

— Сидят всю ночь, а электричество — поровну...

Не будем за вас платить!

Из одной комнаты выбегает женщина в дезабилье и кричит на ходу:

— Так их и надо! Не платят! За чужой счет до двенадцати дрыхнут!

— Кто воду не спустил! Кто! — кричит другая женщина на всю квартиру, — дайте мне его, я ему морду разобью!

— Морду права не имеете, — отвечает спокойный голос.

— А вам что надо? Заняли весь стол и туда же — право!

В кухне грязно, на полу валяются очистки картофеля, рваная бумага, селедочные головки.

— Кому сегодня убирать?

— Мурашкиной небось!

Товарищ Мурашкина!!.

— Не кричите — нету!

— Как убирать так ее и нету! Ну, и я не буду.

— Надо правильную очередь установить — почему в восьмой комнате трое живут, а убирать — так один убивает...

— Так третий маленький!

— А маленький, так от него и грязи нет!?

Когда приходят со счетом от могоса, от домкома — посылный долго стоит-дожидается. За стеной в это время говорят:

— Вы идите счет принимать!

— Зачем же я пойду... Вот еще!

— Да и я не буду за всех расписываться...

— Оставьте на столе, пусть все читают!

То и дело вызывают в домком:

— У вас грязь... Антисанитарное состояние...

— Это не я антисанитарна, а Залманзон...

— Так вы скажите...

— Очень надо! Сами скажите, если он такой здоровый...

Скажите мне, как мне с Мурашкиным управиться? Есть на них какаянибудь управа?

И только ночью в квартире ненадолго водворяется тишина. Изредка только хлопают двери и слышно негромкое:

— Спать не дадут... Обжрались и шлятуются...

Беберя.

ЛИГА „ВРЕМЯ“ — ДЕНЬГИ.

„В далекой Сибири, на лошадке, за 500 в. ездят люди в гости чайку попить... Где уж тут представление о времени и пространстве? „Известия“.

Рис. Д. Мельникова.

КРЕСТЬЯНИН: — Жалаю записаться в Лигу Времени. Говорят, часы тут выдавать будут...

Конструктивная постановка.

Каждая глава данной повести составлена из газетной вырезки.

I.

— «В пользу Германских рабочих!». Так было сказано на афише крупными буквами с указующим перстом. Пониже, еще крупнее, было обозначено, что дан будет приезжими гастролерами из Москвы и Питера гоголевский «Ревизор», а пониже—заглавия отдельных актов:

Акт. I—Трах-тарарах! Громовый раскат на наших горах!

Акт. II—Повалялся под лестницей, посплю на перинке!

Акт. III—Хоть с нашлепкой на носу, а сплетни все-же разнесу!

Акт. IV Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.

Акт. V—Типы, типчики, типунчики... Ах, просыпались свистунчики!

А самым крупным шрифтом, тем самым, которым местная «Крымзинская Правда» печатала свой заголовок, так и лезло в афиши:

«Первый раз в г. Крымзе.—Конструктивная постановка... По Вс. Мейерхольду! Био-механика!.. Акусматика!.. В макетах худ. Бряк-Бряковец-кого!!!»

Козел местного брандмейстера, обычно срывающий все афиши в городе тотчас же по их появлении, на этот раз отнесся к ним очень корректно: внимательно перечитал, подумал и что-то пробурчал.

Не зная в должной мере козлиного языка, мы не можем привести здесь его слов.

II.

По этой козлийной причине весь город узнал о спектакле знаменитых гастролеров и повалил за билетами.

Отложили на завтра заседание Губоно; комиссия по изысканию каких-то средств в Губродкоме вовсе не собралась; парикмахер против театра пригласил на этот вечер пять помощников из безработных для завивки, прически и маникюров Крымзинских дам; а барышник Костыка вдруг потерял свой алыт и заказывал в кафе «Прима» шоколад солидным баритоном, хотя шоколад заедал осетриной и морщился.

Ровно в 8 часов театр был залит светом, народом, гомоном и музыкой. Завподисктов. Поздняков начал говорить несколько слов о предстоящем спектакле, о конструктивизме, акусматике и т. д., но к 9 часам как раз на половине его речи с галерки бешено зааплодировали, прерывая речь.

— Давай «Ревизора»! А с брехом катись колбаской до Средней Спаской!..

Тов. Поздняков помгал, развел руки и ушел. Поднялся занавес...

III.

Слева на «просцениуме» вверх ногами лежал кухонный стол. На одной его ножке висела серая шляпа режиссера, а на другой торчал глобус из школы. На другой стороне, справа, на ящике изюда панирос «Шутка» стояла в наклонном положении лестница театрального маляра, а на ней развешались несколько маленьких американских флажков и пальто суфлера. Посередине стоял боком топчан из казармы, досками в зал. На досках было что-то написано по китайски, нарисованы геометрическая формула и рожица, в кругу, с палкой. А над всей сценой болталась трапеция, на которой сидел Городничий и читал «Крымзинскую Правду». Тяпкин-Ляпкин сидел между ножками опрокинутого стола и чинил сапог, а остальные персонажи в продолжение всего акта упражнялись в марафонском беге, шведской гимнастике, коллективном

кукурекании и мяуканьи. Акт кончился в могольном молчании.

IV.

В фойе начались дискуссии.

— Что же это такое, позвольте вас спросить? А говорили—«Ревизор»!

— Конструктивная постановка, Анна Павловна, в концепции перманентного достижения, как динамический этап в революционной поступи искусства...

УПРОЩЕННЫЙ СПОСОБ.

«Надо облегчить доступ к ответственным лицам, чему мешают многочисленные посредники—личные секретари, секретарши и т. д.»

Из беседы с председателем комиссии по борьбе с бюрократизмом.

Рис. М. Черныш.

— Вам с секретарем или б з?

— Без секретаря.

— Тогда поднимитесь на третий этаж, заполните анкету и вам выдадут талон. Приходите завтра и вас вызовут.

— Ах! инструкция инструкцией, а все-таки лучше бы лимонадцу...

— Вы, товарищ Чурсин, не так подходите. Доминирующий канон фактуры или, вернее, архитектуроники макета в плоскости, разрешенный в данном аспекте...

— Вы, значит, не читали во втором № «Лефа».. Впрочем, в данном случае вы сами видите: материализация фантома гоголевской эпохи не выдерживает революционной критики: трапеция определенно выявляет соглашательский уклон с амплитудой от Городничего до Земляники, сапог у Тяпкина не созвучен идеологическому комплексу акусматики; кроме того Анна Андреевна сморкается явно вопреки дисгармонии джаз-банда. Вы не находите?..

— Ну-с, Трифон Матвевич, как-с?.. А! Загвозжено?!

— Био-механика-с!

— Айдаге, Марь Платонна, в биоскоп био-механику смотреть. Горазд весельше.. Там такую акусматику разведут, сам патриарх Тихон трепака спляшет...

V.

В номерке гостиницы «Лондон» поздно ночью сидели антрепренер труппы и его кассирша. Гастролеры составляли «калькуляцию» для отчета:

Приход.

Выручено за билеты	934	миллиарда
» за прогр.	72	»
» корешки.	317	»
Итого:	1.223	миллиарда.

Расход.

Музыкантам	111	млн.
За угощение	43	»
Установка макета	300	»
Свет	100	»
Распорядителям	25	»
Конферансье	25	»
Кассирам	12	»
Билетерам	12	»
Дирижерам	4	»
Буттерброды артистам	27	»
Артистам гонорар	633	»

Итого: 1.211 млн.

— Правильно, мамочка?
— Правильно! А не будет придирки?
— Голубенок, так, ведь мы же даем им чистую прибыль! Кабы не хватило, тогда так-сяк, а то вынь да положь 12 рубликов!.. Хе-хе-хе!..
— А расписки от всех заготовлены?
— От всех, мамочка, от всех... Поцелуй меня, мамочка... А за это вот тебе 15 червончиков... От чистого сердца!..
— Типе. За стеной...

VI.

За стеной не было ничего слышно. Секретарь «Крымзинской Правды» разорвал уже 16 листков, составляя статью о помощи германским рабочим:

«Несмотря на то, что каблук Штреземана раздавил революцию, что шипящие гады Гитлера, Людендорфа, Кара и разных Пуанкаре еще не успокоились,—тем не менее рабочие Германии будут стоять на своем революционном посту...

«Вчера театр нашего города был переполнен! Не было живого места в театре. Весь сбор поступит в пользу германских рабочих. Спасибо, товарищи! Спасибо, граждане!..»

Дальше секретарь писать не мог. Пробыло четыре. Он уронил ручку и заснул...

Е. Фролов.

НАМ НУЖНО
мнение наших читателей о журнале
„КРОКОДИЛ“.
Товарищи читатели!
Напишите нам срочно:
1) ЧТО НЕ ПРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?
2) ЧТО ПРАВИТСЯ в „КРОКОДИЛЕ“.
Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах.
Мнение о стихах.
Ответы направлять по адресу:
МОСКВА, Охотный ряд, редакция „КРОКОДИЛА“.

Фемида по швейцарски.

«Мы знали до сих пор швейцарский сыр, швейцарский шоколад и швейцарские часы. К числу этих первосортных товаров отныне приисчисляется швейцарское правосудие—швейцарская Фемида».

Рис. Ив. Малюткина.

После «дела»

КРОКОДИЛ НА ШАХТАХ ДОНБАССА.

РУДНИК «КРАСНЫЙ ПРОФИНТЕРН».

Сидит бабка на горе,
Головой кивает;
На рабочих Мухин-спец
Матюки швыряет.

Ходит коза по поселку,
А с ней стадо козликов.
С подчиненными без толку
Ругается Козликов.

В штренах капает вода,
Словно в дни ненастия.
Записался в господа
Наш бухгалтер Власенко.

У десятника Козлова
Постановка очень нова:

По ночам приходит бес
И со склада крадет лес.
Неужель меня не вспомнят,
Как приеду в комбинат?
Вишняку пятнадцать комнат
И прислуги целый штат.

РУДНИК «ЮНЫЙ КОММУНАР».

Моя детка лезет в гроб,
Весь живот с обмотками.
Накормил его рабкоп
Тухлыми селедками.

У девчонки в косах лента,
Выйти замуж ей пора.
Наш бухгалтер Новаленко
Страсть не любит ордера.

Пролетели в небе птицы,
Расцвела на поле рожь.

Эх, Шевченко и Дурницкий,
Для работниц острый нож...
Пожалейте, девки, Ваню,
Скажите ему привет.
Он пошел помыться в баню,
А воды горячей нет.

ПЕТРОВСКИЙ ГОСЗАВОД.

В электрическом цехе такое явление:
Дало спец-одежду заводоуправление,
Да видно Финера спутал нечистый—
Одежда досталась не грязным, а чистым.
В механическом цехе работали дружно,
Новаленно делал ложка для ружей,
В кузне, стараясь избежать огласки,
Изготавливали для Сытникова коляски.
В цехе железно-дорожном
Работали осторожно,

Потому что сверху сыпалась черепица,
Раня рабочим спины и лица.
В заводской больнице порядку
Для рабочих очень не сладки.
В отношении больных сестры и врачи—
Отчаянные ругачи.
Особенно на язык груба и остра
Озерова—сестра.

Центральная амбулатория при Райрам-
медо
Находится в хорошем ведении.
Всюду залены грязи и пыли,
Полы, наверно, полгода не мыли.
Порядок ахти-наковский.
Заведывает амбулаторией—
Стефановский.

Секретарь Крокодила—Арkip.

„КТО ИЗ ВАС БЕЗ ГРЕХА...“

Рис. Д. Мельникова.

«ЦКК располагает длиннейшими списками явных злоупотреблений легковым транспортом. Примеры обнаруживают преступное отношение к государственным средствам тех, кто поставлен во главе этих хозяйственных органов».
Из статьи тов. Ярославского.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ.

Вздумала Анисья Петровна мужа своего ребеночком подарить. Только вот беда какая: муж-то, у нее в чинах незначительных, — сторожем служит и жалование по малому разряду получает. Стала Анисья Петровна печалиться, волноваться, тревожиться: на какие средства врача пригласить? А муж, гужевского парка сторож, говорит:

— Ты, Анисья, напрасно беспокоишься! Так как я лицо застрахованное в больничной кассе, происхожу из потомственных пролетариев, то и помощь тебе будет оказана самая моментальная — в две минуты. Дома не захочешь лежать — подождем тебя в родильный приют и кушерку приставят, чтобы следить за тобой. Мы ведь не в Италии живем, где фашисты командуют, а, можно сказать, в самой Москве.

Успокоилась Анисья Петровна, поверила. А когда запросился ребеночек на Москву посмотреть, говорит она мужу:

— Веди, Василий, — время!..

До родильного приюта рукой подать. Ведет жену сторож по улочкам, ведет по Московским переулочкам, успокаивает:

— Ты, Анисья, не бойся: придем в приют, сейчас тебе и помощь будет по всем правилам науки.

Оглядели в приюте Анисью Петровну, думали — кунчиха какая, богатая панманка, жена «красного» спеца, а у Анисьи Петровны ботиночки рот разинули, юбочка заплатки распустила и на стороже дипломат по низшему разряду. Чего с такого возьмешь, прости Господи! Говорят:

— Товарищ! Сторожа не к нам приписаны. Идите на Пятницкую улицу, д. № 41.

Сторож жену свою уговаривает:

— Ты, Анисья, не бойся! Перевели нас из этого места в другое. Добежим сейчас на Пятницкую, там тебе моментально помогут по всем правилам науки.

Оглядели на Пятницкой Анисью Петровну — чего с такой возьмешь, публика почти найдется. Говорят:

— Иди с богом домой, милая гражданка! Ребеночек твой рано запросился на Москву поглядеть, пускай еще посидит недельки три. А ты, товарищ сторож, не беспокой людей напрасно.

Стыдно стало мужу с женой, вернулись домой. А утром ребеночек опять запросился наружку. Сторож-муж успокаивает:

— Ты, Анисья, не бойся, мы ведь не в Италии живем!..

Взялись за руки муж с женой, опять в приют побежали, где роженницы родят по всем правилам науки. Но ребеночек нетерпеливым оказался. Отошли от дома шагов тридцать, он и появился среди дороги, на Московском переулке. Сторож муж уговаривает жену сторожиху:

— Ты, Анисья, не бойся, я моментально акушерку призову. Шагай потихоньку домой!..

Бросился сторож-муж в больницу имени товарища Семанко, и так там перепугались все за Анисью Петровну, что со слезами на глазах уговаривают взволнованного человека.

— Товарищ сторож, бегите скорее в Голицынскую больницу, у нас, понимаете, дежурная акушерка куда-то пропала!.. Прибежал туда!..

— Слушайте, товарищ, что же вы стоите? У вас умирает жена, может получиться заражение крови, может погибнуть ребенок, а вы стоите. Платите же скорее деньги!..

Тогда сторож-муж вытаскил последние пятьсот рублей. — Вот!.. Могу заплатить.

Акушерка громко сказала:

— Ну, какой вы чудак, товарищ. У нас же не берут постольку.

Сторож-муж вытаскил тыщу. — Натя, съезьте!

С акушеркой сделалось дурно.

Воже мой! — кричала она, заламывая руки. — У него умирает жена, может умереть ребенок, а он дает мне тысячу рублей!..

Не могу же я пойти за тысячу рублей. Не могу. Не могу.

Тогда вышла нянька и сердито сказала сторожу-мужу:

— Что же ты стоишь напрасно? Сказано — не пойдет, значит, не пойдет!

А. Невзоров.

КРОКОДИЛ (обращаясь к автомобилям): — На ком из вас не ездили зря — подымите руки!

АВТОМОБИЛИ (хором): — У нас нет рук, а если бы они и были, все равно никто из нас их не поднял бы!..

За-границей пользуют кинематографию как средство религиозной пропаганды. Производится ряд съемок на религиозные сюжеты.

Из газет

Ставили «Изгнание из рая» и «Сошествие св. духа на апостолов»...

Режиссер прибыл на место съемки.

— Все у вас готово?

— Готово-с.

— Рай готов?

— Готов... Бутафоры змея дodelывают... Пальмы запущены—во!..

— Саваоф уже оделся?

— Да, почти готов—брови осталось ему только подклеить и к сиянию провод установить на остаток...

— Прекрасно. А как у вас с ангелами?..

— За-ме-чательно!.. Таких пупочек удалось подобрать, что просто прелесть. Ангелочки!!

— А как насчет Адама и Евы?..

— Вот с Евой, правда, было очень трудно... Целых три дня бился. Никак не мог найти такую, которая согласилась бы выступить в костюме «до грехопадения»... Пришлось в конце-концов обратиться к одной знакомой, у которой по вечерам собираются неземные создания... И вот одно из этих неземных созданий согласилось за небольшую плату изобразить нашу общую пра-матерь!..

— Прекрасно.

Зашипели лампы, затрещал аппарат—съемка началась.

Режиссер волиновался:

— Саваоф?.. Чорт вас возьми!.. Куда вы прёте? Я же вам говорил, что вы должны стать на облако и показать всемогущество, а вы треплетесь как мокрая турица...

Саваоф с трудом вскарабкался на раскрашенную подставку и начал угрожающе размахивать руками... Режиссер взбеленился...

— Что вы делаете? Зачем вы машете, чорт вас возьми?!

— А я всемогущество изображаю.

— Чтоб вы провалились с таким всемогуществом! Тоже в Саваофы лезет, когда простого всемогущества изобразить не может... Встаньте в позу, сделайте широкий жест... Вот так. Ну, слава богу...

С Евой чуть было не произошел совершенно непредвиденный казус...

Когда наступило время переговоров нашей пра-матери с безызвестным змием, Ева в полном библейском костюме закурила папиросу и пошла к дереву, на котором висело знаменитое яблоко... Режиссер, как зверь, бросился за ней...

— Что вы делаете? Бросьте папиросу...

— А почему?.. Я всегда курю...

— Да ведь вы—не вы... Вы—Ева... Понимаете ли—библейская пра-матерь!

Тут уже Ева обиделась:

«Во-первых, прошу вас не выражаться, а во-вторых—плевала я на вашу библию. Я ее никогда не читала и читать не желаю.»

С большим трудом довели грехопадение до конца... Когда изгнанные из рая Адам и Ева пошли к себе в уборные, чтобы сменить звериные шкуры и фиговые листья на штаны и юбку, режиссер объявил перерыв и приказал готовить декорацию для «сошествия св. духа»...

Яга.

СУХОЛОМОВСКИЙ КЛИН.

Дальпоземелье—бач крестьянского хозяйства. В некоторых местностях приходится ездить для вахоты и сенокоса за двадцать верст от деревни.

«Беднота».

Митрий с волости веселый приехал:

— Поделили!

Мужики со всех изб к нему:

— Как поделили-то?

— Поровну! Все как есть поровну! Нам Сухоломовский клин достался!

— Сухоломовский? Да туда за неделю не доедешь!

— За то все в одном месте: тут и лесок, тут и лужок, тут и черноземцу малость...

Через два дня на сходе новую землю распределяли. Митрий советовал было на новую землю выселок сделать—да никто не соглашался:

— А можа там земля не в пример лучше, говорили одни.

— А можа там земля не в пример хуже, говорили другие.

Поделили поровну на всю деревню.

По весне пахать выехали.

Едут день, едут два.

— Далек ли?

Кто говорит—к вечеру, кто говорит—еще два дня ехать, а кто и неделю сулит: мужички версты немеряные.

Три дня ехали—доехали. Далеконько.

Поскребли мужики затылки—да делать нечего. Вспахали, засеяли и домой. Приехали в деревню—сенокос на носу.

— Здесь бабы управятся... Налог-то небось и за ту землю платить надо...

Митрий опять предлагал отправить артель—пусть косят для всей деревни, а мы им тут поможем.

— Не желаем!

Да и то правда! выросла трава глуманом—тут густо, а там пусто. Две недели покос делили, чуть до драки не дошло, да хорошую погоду и проворонили. Начали косить—демя, а тут и рожь поспела.

Хлеб, что с собой привезли, съели, и начали помаленьку новый есть. Сожнут, обмолят—и едят. А тут овес поспел—косить надо, и деревенский престольный праздник пришел:

— Надо бы справить по-божески!

— Вестимо, по-божески...

Заварили пива, самогонки наладили—смотрят, ржи то и маловато осталось.

— Валий всю! Погуляем...

— Валий всю—легче везти будет!

И справили праздник по-божески—три дня в поле пьяные валялись. Очухается кто—сейчас новшник, и опять лег.

Весело!

Погрузили сено да овес:

— За соломой зимой приедем—не ахти что.

Только выехали—дождь.

Сено промокло—и лошадь не везет.

— Давай, сбрасывай... Легче будет!..

Приехали после покрова. Бабы встречать высыпали:

— Ну, как вы там? мы-то тут намучились—сено погнило, рожь убрать не успели. Вы-то чего привезли?

— Да вот все тут! Везли овес—и тот лошадиам сжормили!

Посмотрели бабы в телеги, да так и ахнули. Одни мешки пустые!

— Далек ехать!—говорят мужики. Давай обедать, бабы, да пошевеливайся! Вы небось тома сидели!

М. Нозырев.

Фашизм сегодня.

Рис. М. Черемных.

Фашизма бешеные птицы в тела рабочих жандут впитаться. Но пир фашистский будет длиться До следующей лишь страницы.

(См. следующую страницу).

Полны бессилья и досады,
Бегут повергнутые гады;
Им нет прощенья, нет пощады...
Рабочий—встал, разбив преграды!

Приехал некий юноша в большой, чтобы не сказать, столичный город.

Прибыл юноша, как водится, без денег, всего лишь с двумя рукописями в потертом саквояжке. Но он уже познал простоту житейского механизма, и потому его несколько не испугала неизвестность.

Юноша пообчистился; положил рукописи в боковой карман и, протискиваясь сквозь автомобильную, трамвайную и людскую суету, направился в город.

Вскоре он нашел редакцию самой большой в городе газеты. Как раз то, что ему было нужно.

В приемной редакции никого не было, но сильный удар кулака по столу сразу собрал редакционных курьеров.

— Чорт вас всех возьми... Кто у вас здесь дежурит? Не этот ли дубовый стол?!

— Вам собственно? — пролепетали курьеры.

— Ма-алчать! Немедленно доложить обо мне редактору!

— Столичная штучка! — зашептались репортеры, сбившись на шум у дверей. — Сразу настоящая позадка видна!

Прибежал курьер от редактора и смиренно принял у юноши саквояж.

— Пожалуйста... прошю!

Гость вошел в кабинет редактора. Непринужденно представился и тут же покровительственно похлопал солидного редактора по плечу:

— Старайтесь, дружище. Из вас еще может выйти толк!

Потом сел и небрежно протянул редактору рукопись:

— Так и быть... Аллах с тобой — печатай у себя... Для такого парня и хорошей рукописи не жалко!

Рукопись немедленно пошла в набор. Два мальчика вперегонку помчались в контору за авансом для юноши.

Юноша наглед:

— Послушай, редактор. Во-первых ты должен свести меня в самый лучший ресторан!

— О, мой друг! — почтительно наклонил голову редактор: — вы обедаете у меня!

— Не возражаю... Во-вторых: немедленно вызови сюда самого лучшего импрессарио!

— Звоню!

Через двадцать минут в кабинет редактора влетел надушенный, торпливый человек.

— Клейф... импрессарио... Сь райт... нез... иск... кому, чем и как?

— Видите ли! — сказал юноша, пуская колечками папиросный дым, — завтра должен быть мой вечер «Монстр-имажинэ». Я выступаю с докладом о «флюсе в облаках».

— Иез! Когда? В котором часу? Оркестр? Цены, разумеется, бенефисные? Бегу, уже бегу!

На другой день «Монстр» состоялся.

Юноша вышел под гром приготовленных Клейфом апплодисментов.

— Ослы и коровы! — обратился он к зрителям: — вы, полупотченное

стадо, собранное из многоэтажных зверинцев... В ваших глупых глазах светятся плевки знания и мудрости... Тупые вы... Незаконорожденные!!!

— Оригинально! — сказала соседу дама из первого ряда.

— Какой он милый! — прошептали две истерички.

— Вот это талант! — решил студент из 17-го ряда.

На улице, когда он вышел, овеянный славой после спектакля, на него показывали пальцами и говорили, пригибаясь:

— Это он! Это он, смотрите!!!

Одни из новоявленных знакомились с ним и почтительно кланялись ему, другие, желая поднять себя над людской мелкотой, делали вид, что они на короткой ноге со знаменитостью.

С тех пор пошло: юноша набил бумажник деньгами, поселился в самой лучшей гостинице и изредка милостиво давал интервью назойливым репортерам о своем самочувствии...

Л. Митяцкий.

КУЛАКИ ПРОВА.

«У несознательных крестьян и рабочих вошло в привычку бить жену. Пора с этой дикостью покончить твердыми мерами».

Из письма рабочего.

Пров к бабе с самогону
Пришел без задних ног,
Напялил «для фасону»
На голову... горшок.

— Опять! — Агафья взвыла —
Срам, смех — твои дела!
Для пьяного ли рыла
Горшки я припасла?

— Пыц! — начал Пров яриться,
В сраженьях с бабой миз,—
Жена да убоится —
И больше никакиз!

Сказав, — хоть не в траншее —
«Отважною» рукой
Хватил жену по шее
В амбиции мужской.

— Раз муж, — так стало граф я,
А ты моя раба!
Заплакала Агафья:
Не в драку же, — слаба!

На крик пришли два шкраба,
Но Пров уперся в тьму:
— Раз есть кулак и баба —
Дык ясно, что к чему!

И подтверждая это,
Ткнул снова бабу в бок...
Три члена сельсовета
Явились на шумок.

Пров опят без интракт
Спокойно поестрил:
— На то, вишь, и кулак-то,
Чтоб бабу молотил!

Но... плох итог сей были:
Есть в «Кодексе» статья —
И Прова посадили
«На отдых» от... битья.

Исходом поразенный,
Чесал затылок Пров:
— Ишь, чорт! Неужто жену
Теперь не без правов?!

Красное Жало.

76 хождений.

Рис. Ив. Малютина.

Осенью 1923 г. в Москву по командировке губкома РКП прибыла для учения в ВУЗ'е дочь рабочего, коммунистка т. Коршунова. Выдержав экзамен, она стала искать комнату. За время поисков комнаты она посетила следующие учреждения: отдел управления Моссовета, МУНИ, отделение милиции в Хамовническом районе, РУНИ, нарсуд, кассационный отдел губсуда, губпрокуратуру, 3 частных квартиры и даже наркомюст, но комнаты не нашла. Всего она совершила 76 хождений по всем вышеперечисленным организациям и изорвала две пары обуви.

«Рабочая Газета».

Для москвичей нет горшего пути,
Чем — комнату найти.
Чтоб время не терять бессмысленно и втуне,
Рабфаковка одна явилась прямо в МУНИ,
И так воскликнула она:
— «Товарищи! Мне комната нужна!»
Ее послали — в РУНИ.
Там посоветовали ей
В нарсуд отправиться скорей.
Сна туда несется метеором
С улыбкой на устах и вдохновенным взором,
Но в нарсуде ответили ей так:
— «Идите в наркомюст: он — чародей и маг!»
В великой грусти
На башмаки свои взглянувши в наркомюсте,
Она воскликнула: — «Еще четыре дня,
И нет ботинск у меня!»
И срок настал: и рухнули ботинки,
Как видно из малютинской картинки,
И хоть была рабфаковка бедна,
Купила туфельки дешевые она
И вновь, с великим рвением,
Пошла бродить по учреждениям:
Была она в... Мострансе, в РНИ,
И в МПО, и в... Средневолголесе...
Сна ступала туфельки свои
И потеряла в весе!
В лаптях она в... Сольскиндикат пришла,
Но комнаты бедняжка не нашла!..

В борьбе за комнату нас ждут крутые бары:
Ботинок дорогих четыре лишних пары!
Чтоб комнату найти, — в нарсуд, в губсуд, в райком
Идите лучше... бесиком!

Мих. П.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК.

«По постановлению главного выставочного комитета всесоюзной сельско-хозяйственной выставки, деревню Бурцево, Волоколамского уезда постановлено премировать выдачей ей трактора».

На деревне праздник ноне,
Веселится стар и млад,
Рады все: коровы, кони,
Пир у кур и у цыплят.

На деревне — шум, движенье,
Суета со всех сторон:
Из Москвы привез решение
Нынче староста Мирон.
За труды деревню нашу
Наградил главвыставком.

Подарил не с брагой чашу,
Не коровушку с бычком —
Целый трактор получила
Деревенька, — вот так фунт!
Уж и ловко эта сила
Разворотит в поле грунт.

От подарочка такого
Как эсе, братцы, не плясать?
Будем гостя дорогого
Всей деревне встречать.
То-то, братцы, будет шума,
Как он валится в наш круг!
Трактор, чай, не фунт изюма,
Урожаю первый друг!

На деревне праздник ноне,
Веселится стар и млад,
Рады все: коровы, кони,
Пир у кур и у цыплят!..

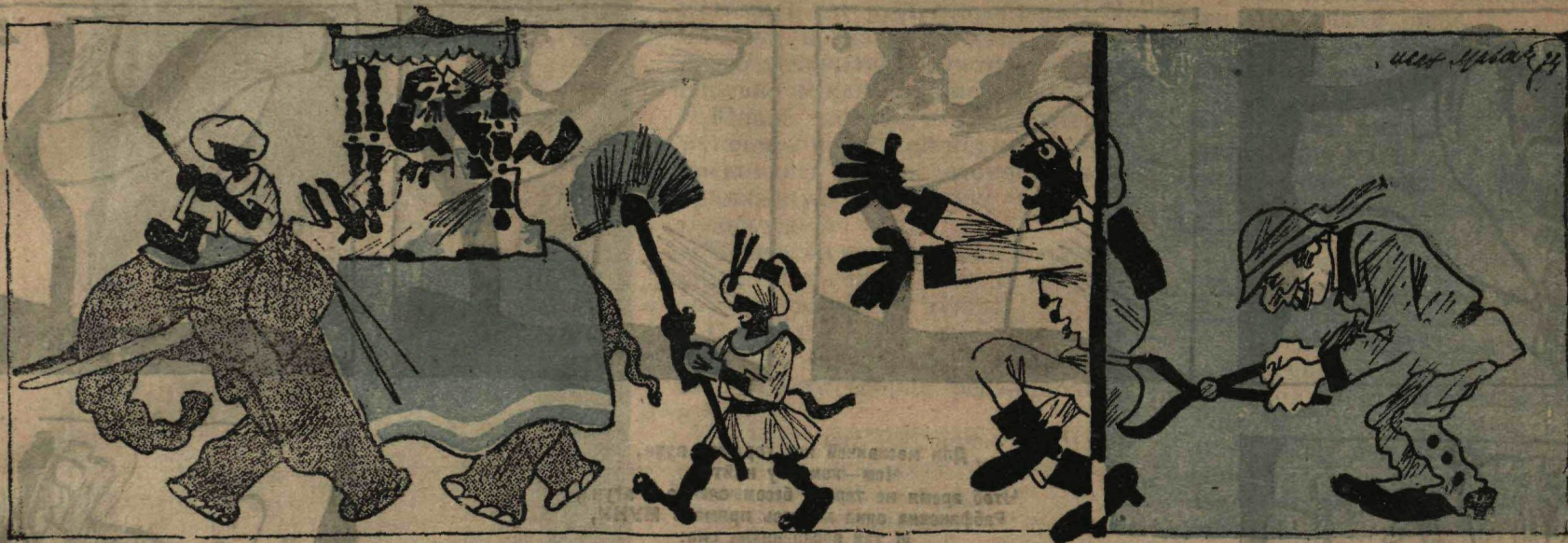
Р. Меч.

Недавно вице-король (наместник) Индии лорд Ридинг делал объезд индийских провинций. Чтобы устроить вице-королю торжественную встречу, полиция и помещики, где—силой, а где—обманом стогнали сотни крестьян к месту его проезда.

Из газет.

Рис. Ив. Мамютина.

Народ громкими криками приветствовал каместника Индии, потому что... действительно, трудно было удержаться от крика...

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ, ИЛИ КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ.

«Калькуляция или оверсто».
«Калькульнуть».
«Накладные расходы»
«Ножницы! Ножницы!»

«Правда».

«Военная шпатель, стоявшая до революции около 6 руб. зол., теперь обходится в 25 р.»
Из речи наркома Соколовского на III сессии ЦИК'а.

Это было 2 года тому назад, когда теперешний «Деришкурный Трест» еще назывался просто — дериножтрестом.

Когда первая партия кожи прибыла в склады треста, соответствующая комиссия приступила к калькуляции прибывшего товара.

Расценка производилась «по-божески». Цены ставились в до-военных рублях.

Через несколько дней калькуляция была закончена. Начали торговать.

Все шло мирно и гладко первые две недели. На 3-ей закупочная комиссия треста доложила, что «сапгвоздь» поднял цены на 15%.

— Негодян, — решили руководители «Кожтреста», которому «Сапгвоздь» поставлял сапожные гвозди, — ни с того, ни с сего повышают цены на целых 15%.

Однако, вынуждены были поднять цены и сами. Перекалькулировали весь товар, повысили расценку круглым числом на 20.

В «Сапгвозде» возмущались: — Нет, вы подумайте только, они там в Кожтресте совсем зарвались, поднимают расценку на целых 20% в то время, когда мы повысили ее только на каких-нибудь несчастных 15%.

И «Сапгвоздь», скрепя сердце, должен был решиться перекалькулировать весь товар. Набили 10%.

В синдикате «Пузырь» царил паника.

Предсиндиката распекал заведующего Торгсектором:

— На ваших глазах Тресты один за другим повышают расценку, а вы зевааете. Хотите разорить синдикат. Хотите подвести под суд. Сегодня же...

«Перекалькуляция» была произведена сегодня же. На другой день «Пухперо» «Бумаза» и «Дзиньбум» повысили расценку на 45%, а Мосполиграф сразу на 120%.

Еще через день предкожтреста тыкал своему Заму счет Мосполиграфа:

— Видите, не разбойники ли, на 120%! Ничего не поделаешь. Приходите докалькулироваться до них.

Докакульнулись.

В Тресте «Сапгвоздь» докладывали...

Но я, кажется, начинаю повторяться... Интересующихся дельнейшей эволюцией калькуляции отсылаю к сказке про белого бычка.

С. Каршашев.

ПРЕРВАННАЯ МОЛИТВА.

Молится дед Евтихий,
Трещат, сгибалась, колени.
Шепчет он: — «Свете тихий».
Глядь — кошка слизала пенки...

Вот тебе и «свете тихий»,
Сливки-то льются из ложки...
И вспоминает дед Евтихий
Родителей блудной кошки...

Мих. Андреев.

ТЫ
послал свой взнос
на аэроплан
«КРОКОДИЛ»?

ФАЛЬШИВАЯ РОДНЯ.

Две служанки в шашлычных, поступившие помимо Биржи Труда, числились... женами хозяев...

Из газет.

К содержанию шашлычной пришли с обыском. Нашли самого. И нашли женщину, занимавшую какое-то странное положение: не то служащая, не то хозяйка.

— Это кто такая? — показывая на нее, спросили хозяина-армянина.

— А это, дюша мой, мой супруга.

— Супруга... Гм... Что-то не особенно похоже.

— Зачем не похож. Самый настоящий жевчин.

— Да я не про то. Я вижу, что не мужчина... А просто как-то не похоже... Во-первых, нации не той...

— Ва. Почему наций. Я люблю русский.

Пошли дальше... Нашли еще какого-то мальчуганку, видимо — тоже служащего...

— А это кто такой?

— Это — сын мой Петяка... то есть Карапетяка...

— Это что-ж — от этой вот жены? — улыбнулся делавший обыск. — Что-то не похоже...

Действительно, в возрасте «матери» и «сына» было большое несоответствие...

— Зачем... Она — такой молодой на лицо... — старался вернуться попавший шашлычник.

— А это кто такое? — спросили его далее, встретив еще какого-то мужчину, похожего на приказчика.

— А это — мой муж... то есть отец, — еще больше сбивался в показаниях хозяин.

— Отец? Хе-хе-хе... Странно, что русский родил армянина, да притом тоже лет десяти от роду... Слушайте, если вы так любите быть все время «в кругу родных», то одевайтесь, поедете-ка со мною! — сказал делавший обыск. — Вас посадят в Бутырки, а это, по известному выражению заключенных: «Не тюрьма, а дом родной»...

Арго.

В ОБЕЗЬЯНЫХ ЛАПАХ.

(Вошь истарзаненного человека).

Роман Берроуза «Тарзан», который выходит сразу в пяти изданиях, зачитывается до дыр. Даже в рабочих библиотеках «Тарзан» по читаемости стоит на первом месте.

Из газет.

Стою-ль пред книжною витриной,
Мне улыбается «Тарзан», —
И я шепчу, объят кручиной:
— «Куда уйти от обезьян?»

Вхожу-ли я в совустройство,
«Тарзанный» чую ураган:
Читают все без исключения
В часы служебные «Тарзан»!

Тарзаном диким истарзанен
Бегу в кино, но все равно:
Я лик противный обезьяний
Встречаю там же и в кино!

Кинематограф не враждует.
Будь он просторен или мал,
Там каждый день Тарзан линует,
Там — Обезьяна «правит бал»!

Я истарзался несказанно...
Прочь, обезьянье торжество:
И «возвращение» Тарзана,
И «сын» и... бабушка его!

Струится обезьяньи запах
Из новых фильм, из новых книг...
Я — гибну в обезьяньих лапах!!
О, страшный час! О, жуткий миг!..

Проник повсюду лик тарзаний,
Везде видна тарзанья пасть!
Как не сказать: «Милльон таозаний»
И как в отчаянье не впасть?

Я вижу обезьяньи стаю,
Я слышу обезьяньи гам —
И будто шерстью обрастаю,
И становлюсь гориллой — сам!!!..

Мих. Пустынин.

Поп Варсонофий Иорданский смертно ненавидел всех попов, что объявили себя приверженцами живой церкви.

— Я бы всех этих мошенников на деревьях развесил бы!..—говорил Варсонофий деревенскому кулаку Кузьме Палачеву.—Вот только одно место меня волнует...

— Какое место?—спросил Кузьма Палачев.

— Да живая церковь, будь она неладна, разрешает нам, пастырям, дважды и трижды жениться...

— Вот как! Это, батя, лафа!

— Лафа-то, лафа... и даже очень занятно,—сказал Варсонофий.

— Чего же ты, святой отче, мудствуешь лукаво? Мало ли на деревне этого сорта. Только свистни да рясой замахни—так и привалят.

— И то правильно сказано: «свистни!» Свистнешь, а потом она, эта самая новонареченная, тебя как свистнет, то света не увидишь. Нет, любезный Кузьма, тут надо все как следует обдумать. Шаг серьезный, а мне, вдовцу, уже вкусившему по горло семейного блага, даже холодно делается, как подумаю. Грех вспоминать, да ничего не могу поделать: покойная попадья моя не одну крынку молочную о главы моя расколотила...

Крепко задумался поп Варсонофий. Очень уж он не любил крынок молочных, но жениться, все же, страх хотелось. Приятно становилось при мысли, что своя собственная баба будет постоянно под боком,—не надо заботиться тайком к чужим женам, да к тому же они, эти чужие жены, в последнее время как-будто образумились и многого требуют...

— Женюсь!—закричал после крепких дум Варсонофий.

Предметом своей страсти поп избрал одну вдову, Василису Крайкову. Детей, правда, у нее было всего двое,—пожри их сам сатана!—но сама-то она, Василиса, была прищипанная. И рост хороший, и телеса ядренные, и заново отстроенная покойным мужем изба, и лошадь, и корова, и даже козлята!..

И пошел поп Варсонофий делать предложение. Вдова Василиса приняла его не совсем ласково, но и не совсем злобно. Чай с баранками на стол поставила.

— Ох, вдовица, вдовица!..—начал Варсонофий.—Хочу я жениться. А по уставу живой церкви,—тыфу, тыфу, не к ночи будь сказано!—нам, пастырям, полагается и дважды и даже трижды...

— Но ведь ты, отец, не живой, а мертвый,—возразила Василиса.

— Коли ежели дело идет о женитьбе, дочь моя, то я тут, как есть, живой!—решительно заявил Варсонофий.

— Хитрый же ты, отец!—усмехнулась вдова.

— Иначе не проживешь, дочь моя.

И затем он брякнул на всю избу:

— Приди же ты, вдовица, на благословенную гробу мою!..

Вдова вздрогнула, а потом, немного подумавши, ответила:

— Я согласна.

И женился поп Варсонофий опять женатой жизнью. Но как и множество других попов, он был мелочен, придирчив, нуден и пакостлив. Скоро Василиса раскусила его. И месяц еще медовый не прошел, как он сильно разругался со своей матушкой. Да и детишки ее терпеть его не могли. Все учил он их уму-разуму, священное писание проповедывал, богом пугал, геенной адовой грозил, чтобы они только слушались его. А Василиса от покойного мужа кое-что унаследовала, веры во всю эту чертовщину у нее настоящей уже не было. И ску-

— А ты не смей лавочку из церкви устраивать, долгополая кутья ты этакая!

— А как же нам жить тогда с тобой?—закричал поп.

— Вот оно что!—изумилась жена.—Так, значит, ты сознаешь! Так, значит, церковь по-твоему и есть лавочка!.. Ах, ты пакостник этакий! Скажи же ты тогда ту правду, что и муж мой покойный говорил: «Церковь для того, чтобы дурачить народ!»

— А для чего же еще она?—развязно сказал Варсонофий.

— Вот как,—завопила Василиса.—

КРОКОДИЛ — „БАКИНСКОМУ РАБОЧЕМУ“.

Вышел тысячный номер газеты «Бакинский Рабочий».

Рис. М. Черемных.

БАКИНСКИЙ

РАБОЧИЙ

КРОКОДИЛ:—За врагами ретиво я слежу дни и ночи
И у многих из них моя вила в боку,
Но пока существует «БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ»,—
Знаю я: не нужна моя вила в Баку!

пость попа Варсонофия ее очень уж раздражала. Придет к ним какой-нибудь односельчанин и станет звать Варсонофия крестить ребенка. А тот прежде всего:

— А сколько дань?

И если крестьянин беден и не может много дать, то Варсонофий заломается:

— Не пойду крестить!

И взбесилась однажды на своего мужа Василиса:

— Напман ты этакий!—закричала она.—Торгуешь церковью, как седьмаками. На базаре тебе торчать, а не мутить крестьян.

— Ты не смей так обо мне отзываться!—окрысился Варсонофий.

Так я теперь всех крестьян погоню прочь, когда они придут к тебе за требам!

— Мы с голоду тогда подохнем!

— Ничего с нами не станет. Работать станем. Ты в поле пойдешь, дармоед ты этакий. Довольно тебе людей дурачить!..

— Замолчи, окаянная!

— Не замолчу!.. Кричать на всю деревню стану!.. Пусть слушают меня все!.. Всем расскажу про попа-мошеника!.. Всем!..

Долго еще ругалась Василиса с Варсонофием, а за окнами избы почти вся деревня Сидоровка собралась и хохотала.

Л. Григорьев.

В Малой Вишере Отдел Народного Образования раздобыл где-то писчей бумаги и, не зная, что с ней делать, занялся издательством.

Для начала Вишерское УОКО отпечатало том стихотворений С. ПОБОЛТИНА и Павла ТИХОНОВА-ДАЛЬСКОГО «Пролетарская муза».

Но пролетарско-вишерская муза — особенная муза. На крокодилем конкурсе эта муза имеет полное право на одну из премий...

Вот, например, несколько цитат из пролетарских трудов С. Поболтина.

Он нес отчизне дар страдания,
И на алтарь своей отчизны
Нужду и слезы положил...

Стиль—под стать идеологии:
Свершает свой рейс пароход,
Плывет он к тяжелому горю,
К международному горю
плывет...

Сам Ленин на нем капитаном.

Есть и лучше:
Подымайся, народ,
И шагай весь вперед...

Муза Тихонова-Дальского солиднее. Он, например, заявляет:

Мне дорожке сонат Бехтговена
Употительные песни машин...

Допустим. А дальше вот:
Нам, рабочим, вместо тоски
струнной,

Это не пошлость нустой
кадрильи,

Нам ли, железным, чувствовать
пошлость

И заржавить труда союз...

Об остальном умолчим.

А Крокодила просим: нельзя ли Ваше Крокодилчество, дать небольшую премию нашему УОНО... Мало-Вишера.

ГОЛОС ИЗ МЕДВЕЖЬЕГО УГОЛКА.

Не знаю, как провести воскресенье
И не потому, что сварлив и глуп.
Вы не войдете в мое положение,
Вы скажете просто:—Пойдите в клуб!
Легко сказать! Вы живете в столице,
У вас под боком и клуб и театр,
А мне—за пять верст извольте тащиться,
Чтоб посмотреть на па-де-катр.

Если б я был комсомольцем безусым,—
Я бы отправился в дальний поход,
А теперь, понимаете, не по вусу,
Вырос, за третий десяток идет...
Есть кино, недалеко, рядом,
Только не пойду я в это кино:
Там сегодня «Торговка ядом».

Торговок таких разлюбил я давно...
Приятель все улеглись спозаранку,
Да с ними и скучно толковать,—
Скажут:—Ну, затянул шарманку!
Зевнут и лягут кряхтя на кровать.

Те, кто не спит—играют в карты,
В железку, в темную и в очко,
А если нет денег—с таким же азартом
Друг друга оставить хотят дурачком.
Счастливые! Им ничего не надо!
Желаний и скуки душевной нет.
А мне остается одна отрада—
Не могу без книги и без газет.

И вот если нет газет и журналов
Унять не умею тоску свою—
Хожу по поселку, ищу скандалов
И изредка с горя возьму и запью.
На ваши упреки—скажу вам вот что:
Я вас виню в глубине души,—
Дайте лица! Наладыте почту!
И больше думайте о нашей глуши.

Из бесконечного числа писем выписал

Вас. Нумач.

Челябинские весельчаки.

30-го октября в Челябинске с благословения Губполитпросвета и Гублита был устроен вечер в пользу беспризорных детей.

Вот программа этого вечера:

Вторник, 30 октября.

РАБОЧИЙ КЛУБ.

В пользу беспризорных детей

КОНЦЕРТ

БАЛ-МАСКАРАД. АЗРО-ПОЧТА.

Бой серпантин и конфетти.

Масса интересного.

Масса неожиданностей.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ВЕЧЕР.

Устраивают сотрудники Художественного Под'отдела Губполитпросвета и Гублита.

Карточные азартные игры.

ЖЕЛЕЗКА.

Отдельные кабинеты. Бочки с сюрпризами.

Вино. Гадалка. Киоски. Цветы.

Внимание! Круглый дурак.

Единственный вечер, на который действительно не жаль потратить денег, а тем более для беспризорных детей.

Дамские призы: за красоту, за элегантность, за изящные ножки, за танцы.

Мужские призы: за усы, за лысину, за джентельменство, и за танды.

Маскарадные призы: конкурс на костюм «созвучие эпох» (общий, группа)—100 рублей золотом.

За открытый (дамский) костюм—корзина с фруктами, за оригинальный костюм (мужской)—письменный прибор, а также за телосложение (дамский).

Танды до упаду. Роскошный буфет.

А в буфете все, что душе угодно.

Большой оркестр музыки.

Число билетов весьма ограничено.

Распоряжается В. А. Лепятский.

После этого сотрудникам челябинского Гублита и Губполитпросвета остается только открыть в пользу детских домов—дом свиданий со всеми усовершенствованиями Запада вплоть до шимми и фокстрота. Они, пожалуй, и откроют: кто сказал «А», тот должен сказать «Б». Хорошо бы, однако, если бы кто-нибудь предупредил их и прописал бы им упраздненную букву—ижичу.

„Крокодил“ и ... „Чаша любви“.

Омское Отделение Сибгосиздата имеет единственный в Омске сравнительно хорошо поставленный книжный магазин. Недавно в этом магазине была ревизия Р. К. И. И вот что эта ревизия нашла (приводим дословно слова акта ревизии):

... В настоящее время издания, посвященные литературе, естественным, математическим и др. наукам, составляют меньшинство (всего 20%). Остальные составляют малоходовой ассортимент, как например: сборники гражданского права... и наконец, лубочная литература, в роде журналов «Крокодил», «Чаша любви» и пр.

Крокодил крайне озадачен мудрым определением Омской Р. К. И.: он до сих пор никак не думал, что он имеет честь быть лубочной литературой, в роде небез-

известной «Чаше любви». Нас, впрочем, несколько утешает заявление заведующего книжным магазином Сибгосиздата, что под рубрику «и пр.» в лубочную литературу отнесены все издания Госиздата, «Красной Нови» и многочисленных научных и сельско-хозяйственных издательств.

Беда, коль пироги начнет печи сапожник...

Щедроты Мосздрави.

К празднику 6-й годовщины Октября Мосздрав решил порадовать Каширские ясли ценными подарками. В Каширу была послана телеграмма:

Кашира-Уздравотдел.

Из Москвы № 43501.

Пришлите 5, агента получения праздничных продуктов. Мосздрав.

Агент был послан, потратил на проезд от Каширы до Москвы 3380 р. и привез... 20 штук яблок, которым в Кашире красная цена 50 р.

Хорошенький подарочек к Октябрю.

Эх, Мосздрав, Мосздрав. Неужели ты думаешь, что из-за 20 штук яблок можно тратить деньги, гонять человека, посылать телеграммы. Или ты непременно хочешь сделать вид, что хорошо работаешь. Ведь все равно не поверим.

Заставь дурака...

А вот и еще один ценный подарочек к Октябрю. В Харьковском «Коммунисте» (№ 278) читаем такое объявление:

Украинское Т-во «Новая Бавария» выпускает пиво под названием октябрьское, специально изготовленное к предстоящим торжествам.

Не достает еще теперь только выпустить водку «ИЛЬИЧ» и открыть шантан «Коминтерн».

НЭП—НЭПОМ, а все-таки нельзя ли полетче на поворотах, чтобы... сверх обыкновения не смердеть.

Предусмотрительный Наркомзем.

Странное понятие о диспутах имеет Наркомзем. 14 сентября с. г. состоялся диспут по агрономическому вопросу «Опытное дело».

Замнаркомзем т. Свидацкий заявил перед диспутом агрономам т.т. Фридолину, Зубриллину и Модестову, что если они будут «полемизировать» с выступающей на диспуте профессурой—диспут будет немедленно закрыт.

Это называется просто:

— Молчать, когда со мной разговариваешь!

Чиновная особа.

В далеком Ташкенте сохранились музейные редкости: важные чиновные особы. Правда, чина у них теперь никакого нет, но дореволюционного нахальства и спеси—сколько угодно. Об одной такой особе пишет т. Ланин:

Дорогой Крокодил! Хотя и неприятно потчевать тебя всякой дрянью, но прошу проглотить нашего управдома Рожикова. Это бывш. чиновник, а теперь—тайный спекулянт. С беднотой он высокомерен и груб. Жильцам рабочих и сов. служащим он в пьяном виде кричит: — Все вы сволочи! В прежнее время я бы вам морду бил, а теперь вы мне, бывшему чиновнику, не подчиняетесь!..

Глотать такую дрянью действительно противно. Лучше взять за жабры и снести в... нарсуд!

Пожарный повелитель.

Наружность обманчива: иногда в скромном на вид регистраторе сидит Наполеон, в простом аптекарском ученике—величайший танцор. А на ст. Курган в скромном на вид брандмейстере Нарбекове сидит... китайский богдыхан: так он величествен, повелителен и горд с подчиненными. Курганский пожарник жалуется:

«Замытарил. Слово он владыча, а мы рабы. Сам шагу не сделает, все—мы.: «Эй, сбегай мне за папиросами. Ты, купи мне провизии. ..Живо, почисть мне сапоги, да воды дай»...

Брандмейстер Нарбеков так занят пожарами, что забыл осведомиться: отменено крепостное право или еще существует в России. Пожарники, от имени Крокодила, известите его: по слухам, рабство в Советской Республике запрещено.

Дважды рожденный.

Один из почитателей и просто читателей «Крокодила» обращает наше внимание на странное обстоятельство:

В отрывном календаре на 1923 г., изданном Центросоюзом, знаменитый критик В. Г. Белинский значится родившимся... два раза... В листике от 30-17 мая он значится родившимся в 1811 году, а в листике от 18 июня-30 мая—родившимся в 1810 году. Мончина же его отмечена только один раз—в 1848 году 10 июня-28 мая.

Конечно, Белинский великий критик. Но доходить в своем поклонении до признания его дважды родившимся не следует, ибо Белинский ни чудотворцем, ни нетленными мощами никогда не хотел прослыть.

„Бухгалтер со сковородой“.

Так почему-то называется рукописный журнал, издаваемый слушателями и учителями бухгалтерских курсов в гор. Троцке. Журнал претендует на остроумие и сатиру, но от его острот, пожалуй, верблюдов взбесится! Вот несколько образцов бухгалтерской «сатиры».

«Поменьше обращайтесь внимания на чужих жен, дураки-уханеры, и побольше на вдовушек!»

«Такому-то бухгалтеру и такой-то девице (имя рек) предлагается поступить в отдел уродов, где есть вакансии».

«Ищу места зав. сумасшедшего дома, бухгалтера ослов и свищуна».

«В буфете имеются вареные ноздри глабуха и соус из селезенки счетовода».

Скорее носорог научится бухгалтерии, чем некоторые бухгалтера—острить. Да и кому это нужно?

ПО ПОВОДУ ЧЕТЫРЕХНЕДЕЛЬНИКА
БОРЬБЫ С САМОГОНОМ.

В виду наступающих праздников, милиция объявила повсеместно четырехнедельник по борьбе с самогоном.

I.

Отцы родимые, милостивцы—благотелы!
Взываю ко всем—к православным особливо.

Ного угодно, призываю в свидетели
В том, что самогон обижает несправедливо.

Питье это крепкое, на вкус превосходное
И царскую водку вполне заменяет...
А торговать им—статья очень доходная.
Особенно, когда мужик свой хлеб пропивает.

Так и надо прохвосту ему...
И посему
Закон против самогона мне противен.
С почтеньем

Кулак Ирод Кровопизин...

II.

Возлюбленные сыновья, дочери и братья!
Послушайте, что скажет духовная персона;

Нося беспорочно свое иерейское платье,
Я должен возопить в защиту самогона:
Самогон—напиток божественно-резавый,
И особенно он полезен нам—попам:
Какой дурак пойдет теперь в церковь
трезвым

И пожертвует в кружку «на божий храм»?..
А именины, свадьбы или крестины
Без водки празднуют только кретины,
А верующий всегда, как стелька, пьян.
Аминь!..

Священник Пьющий Иванн.

III.

Всю свою жизнь сидел в буфете я
Под названием «Столовая Сванетия»,
Продавал балык с селедкой,
Подавал шашлык с водкой
И этим честным трудом
Нажил себе каменный дом...
Шашлык без водки кушать неприлично.

Каца Душидзе—содержатель «шашлычной».

IV.

Обращаюсь к вам с низким поклоном:
Спасите хозяйства моего остатни.
Я всю жизнь свою боролся с самогоном,
Только он клал меня на обе лопатки,
А теперь, когда вышел против пьянства закон,

Я спасу от пропоя последние крохи.
Шлю всем вам свой нижайший поклон.

Мужик Степан Запивохин.

V.

Мужик на выпивку завсегда слаб,
А вся семья его терпит от самогона...
И чорту пьянство.

От имени деревенских баб жена Запивохина Матрена.

VI.

Мы, собравшись оравом всею,
Будем гнать самогон—только в шею...
Пьянство должно умереть раньше лета...
Комсомольцы уездного комитета.

Петр Зуев.

БИБЛИОТЕКА
„КРОКОДИЛА“.

Вышли и поступили в продажу:

- 1) Демьян Бедный. — «Как 14-я дивизия в рай шла».
- 2) Демьян Бедный. — «Как Крокодил в церковь ходил».

Иллюстрации худ. Мих. Черемных.
С требованиями обращаться по адресу:

Москва, Охотный ряд, Главная контора «Рабочей Газеты».

Иван Прокофьевич Мизюрин, проходя по Сухареву рынку в надежде купить зимнее пальто взамен украденного, вдруг остановился, как вкопанный, и едва перевел дух. В одном из ларьков на видном месте лежало его пальто, то самое, которое у него украли неделю тому назад в одном из учреждений.

— Может быть, я ошибся... Выдают похожие вещи...

Он подошел к ларьку вплотную и с показным равнодушием повертел в руках пальто. На подкладке, около воротника, виднелась знакомая метка: вышитые шелком «И. М.». Сомневаться дальше было глупо.

Иван Прокофьевич сразу крепко вцепился рукой в пальто, как бы боясь, чтобы оно не исчезло волшебным образом, и нелепо вытаращил глаза на изумленного приказчика, готовясь сказать язвительную речь:

— Потрудитесь ответить... м-м... гражданин торговец... Это что за пальто?

— Пальто знаменитое! Не извольте беспокоиться! Если бог приведет и мы с вами сойдемся—вы будете иметь хоть что-нибудь особенное с боярского плеча!

Иван Прокофьевич сразу потерял свою следовательскую язвительность и лживость и закричал, брызгая слюной:

— Что-о?! Если бог приведет?! Это мое пальто, и я его забираю!

И, схватив пальто в охапку, он крепко прижал его к груди. Приказчик обалдело залебезил:

— Гражданин! Ежели пальто вам правится—мы ничего не имеем против... Другим не продадим... В цене сойдемся... На том и стоим—угождать покупателям... Тридцать пять червонцев... Дешевка... А пальтецо в размер... Вы примерьте... Как на вас шито!

Иван Прокофьевич побагровел:

— Да оно на меня и шито! Это мое пальто! Понимаете—мое! Неделю тому назад его у меня украли... А вы... вы скупщики краденого! Поняли! Я вам покажу тридцать пять червонцев!

И, выпалив все это одним вздохом, Иван Прокофьевич забрал пальто и, ожидая долгого сопротивления и отпирательства, приготовился к самообороне. Каково же было его изумление, когда приказчик, быстро пошептавшись с хозяином, сказал, приветливо улыбаясь:

— Пожалуйста, гражданин... Мы охотно вам верим... В торговом деле всякое бывает... Просто небольшая недоразумения вышла... Вам вернуть прикажете или на себя надедете?

— Да я вам платить не буду! Понимаете! Это мое пальто.

— Пожалуйста, пожалуйста... Какая тут может быть речь о плате... Ошибочка произошла... Будьте любезны...

Минуту спустя с завернутым пальто под мышкой Иван Прокофьевич размышлял радостно и злорадно:

— Ишь, черти, как засуетились... «Пожалуйста, пожалуйста»... Небось все вещи краденые... Боятся... Разве донести на них? Пойду и заявлю... Канителью, правда, ну да чорт с ними... Это мой гражданский долг. Если мы все будем так халатно относиться к этим жуликам, так от них житья не будет. Мы, как коммунисты, должны подавать пример гражданственности.

И, записав в книжечку фамилию хозяина ларька, Иван Прокофьевич прямо с базара отправился в милицию.

В милиции пришлось ждать долго, и сонный помощник комиссара, составив протокол, попросил оставить пальто.

— Без этого никак нельзя: вещественное доказательство

— Товарищ комиссар. А может быть можно так как-нибудь?.. Без этого?.. Холодно ведь... Вы понимаете...

— Гражданин. Не беспокойтесь. Дело пойдет в срочном порядке и ваше пальто вам доставят в целости и сохранности.

Когда Иван Прокофьевич вышел из комиссариата, в душу его сквозь сознание исполненного гражданского долга просочилось беспокойство.

— Чорт возьми... Зря, пожалуй, связался я с этим делом. Надет бы сейчас пальто и... дело с концом.

Но постепенно гражданский долг победил:

— Ладно! Денька три-четыре—не расчет. Зато этих мошенников приекут. Надо же кому-нибудь этим заняться...

Прошло два месяца холодных и знойных. Иван Прокофьевич кашлял, чихал, ставил на ночь горчичники,пил аспирин и упорно ходил в легком пальто, отвечая на все увещания жены:

— Смешно покупать зимнее пальто, когда у меня оно есть.

— Да где оно есть-то? Связался ты с этим делом! Вгонит оно тебя в могилу! Смотреть тошно!

А дело двигалось туго. В милиции Иван Прокофьевич для пущей важности дал свой служебный адрес с указанием должности. И, приходя на службу, он почти ежедневно встречал на своем столе повестку или уголовного розыска или нарсуда с требованием «указать домашний ад-

Рис. Д. Мельникова.

РАБОЧИЙ (обезьяне):—Да, был ты когда-то фабрикантом. Так тебе и надо! Не омолаживайся!..

рес И. П. Мизюрина» или «явиться такого-то числа в качестве свидетеля по делу об утайке краденного».

Иван Прокофьевич чувствовал, что эти повестки мало способствуют укреплению его авторитета среди сослуживцев и для реабилитации неоднократно пробовал рассказывать историю своего злосчастного пальто.

Сослуживцы сочувственно кивали головами, но в глазах у них Иван Прокофьевич читал недоверие.

Наконец, уже весной Ивана Прокофьевича вызвали для окончательного разбирательства дела.

Прождав своей очереди в течение четырех часов, Иван Прокофьевич выслушал резолюцию суда:

— В виду недостаточности количества улик, дело прекратить...

Через месяц Иван Прокофьевич угрюмо рассматривал свое пальто со свалывшимися лезущим воротником и изъеденным молюю верхом. Была весна, и на улице весело сверкало весеннее солнце.

Вас. Лебедев.

Директор зоологического сада в Буэнос-Айресе проф. Онелли выступил с предостережением против практикующегося в последнее время пересаживания обезьяньих желез людям в целях омоложения. Проф. Онелли заявляет, что если указанная операция будет практиковаться несколькими поколениями людей, то результатом будет... обратное превращение человека в обезьяну.

Из газет.

ЧУДО НА СЫРЫХ БОЛОТАХ.

Сатирическая повесть Ал. Григоровича и Свэна (Кремлева). Рисунки Ив. Малютина.

Глава V. Опасность надвигается.

А в это самое время в губернском городе в I-м академическом театре по причине занятия его под торжественное заседание Горсовета, была отменена очередная и не совсем просветительная оперетка. И тем не менее театр был переполнен. Губерния только что блестяще закончила кампанию борьбы с самогоном, в ознаменование чего и предполагалось переименовать наиболее отличившийся в этом Сыр-Глаголевский уезд.

Поэтому открывший собрание зав. местным Оно, бывший дантист и бундовец Кацман, сразу же поставил вопрос ребром.

— Товарищи!—говорил он:— Это вам не что-нибудь, а два параллеля. Одно из двух. Или мы его переименуем или нет!..

И так как самая формулировка вопроса исключала возможность каких-бы то ни было прений, то сразу же были внесены вполне конкретные предложения.

— Предлагаю переименовать в Шалыпинский,—решительно предложил представитель Рабиса.

И может-быть это предложение и было-бы принято, если-бы выступление представителя Коммухоза не заняло внимание собрания. Этот перенес вопрос в новую плоскость, справедливо сославшись на неотпуск средств на постройку мостов и на то, что—при подобных дорогах как ни назови уезд, все равно до него не доедешь».

Понятно, что этот выпад не остался безнаказанным. И неизвестно в какие формы вылилось бы заседание, если бы в самый напряженный момент в театре не появился только что прибывший в город секретарь Сыр-Глаголевского Укома.

Рассказанное им было ударом грома в безоблачный летний день.

— Сыр-Глаголевский уезд исчез,—сказал он.—От всего города осталась лишь каланча и Уком!

— Только каланча и ни одного пожарного?—повторил секретарь Укома и зашатался.

Несмотря на резолюцию протеста против мирового фашизма, прояскам которого приписывалось исчезновение уезда, не смотря на обильные запросы по телеграфу, не взирая, наконец, на личные выезды должностных лиц на место происшествия,—факт оставался фактом.

Сыр-Глаголевский, некогда цветущий и шумный уезд, представлял из себя отныне одинокую и пошатывающуюся каланчу. Даже Уком...

Впрочем, на пустом месте, его волей-неволей пришлось ликвидировать.

А между тем страшная опасность все ближе и ближе придвигалась к встревоженному городу. Относительно спокойным оставался только заведующий Губстатбюро.

— Никакого исчезновения и нет, неоднократно повторял он.— Вы взгляните ко мне! Поглядите данные! Цифра к цифре. А вы говорите пропал!

И когда кто-нибудь особенно настойчиво возражал ему, завгубстатбюро сердился и приводил известный аргумент:

— Извините, батенька, статистика—наука точная и не врёт...

Но события назревали со сказочной быстротой, и не прошло и недели, как в городе началась самая настоящая паника.

Первыми ласточками мелкнули не в меру обильные объявления народных судей. На последней странице местных «Известий» можно было ежедневно прочесть о том, что

... «Народный Судья I гор. участка вызывает в камеру свою, находящуюся на улице Либкнехта, гр. Копылова Митрия Стахевича по делу о признании его без вести пропавшим».

С рынком и пенами также происходило нечто неслыханное.

Обстановка целых кварталов продавала за бесценок. Сплошь и рядом не большие одноэтажные, — а потому и не национализированные домики предместья обменивались на поддержанную и никуда негодную бречку. Несколько крупных подрядчиков отказалось от договоров и безропотно вышлатили неустойку.

Страшное бедствие, быстро опустошая узенькие улочки и переулки окраины, двигалось к учрежденским особнякам и торговым рядам центра города.

И вот тогда-то Исполкомом и были приняты те героические меры, о которых речь будет идти в следующих главах нашего повествования.

Глава VI. Американцы.

Таинственное исчезновение граждан приняло массовый характер. Самые причудливые и невероятные слухи циркулировали по городу. На базарах сильно поредевших и вымирающих, какие-то подозрительные чуйки упорно толковали об обновлении икон и о том, что это к пожару.

Дабы прекратить панику, Губстатбюро был издан Приказ № 1, коим раз навсегда разъяс-

нялось: что выезд из города настоящим воспрещается, что никакого исчезновения и нет, и что все это лишь злонамеренные слухи, распространяемые провокаторами и иными личностями в «кавычках».

Однако, приказ этот, как и все приказы, силы не возымел и президиум Исполкома вынужден был вторично собраться.

В развернувшихся прениях голоса разделились. Заведующий Отделом Управления, бывший капитанармус кон. армии, Опойкин, предлагал вообще всех граждан обоего пола из города выселить с тем, чтобы впредь лиц виновных в неисполнении приказа № 1 не окazyвалось и следовательно, власть бы не дискредитировалась бы. Начальник же милиции говорил об отборе от всех жителей города трудовых книжек и прочих удостоверений, ибо «без документа дальше первого милиционера не уйдешь».

И вот тут, как это всегда бывает в романах и повестях, в самый разгар прений скрипнула дверь и вошла пара в клетчатых брюках, пестрых кепках, с желтыми чеканами в руках.

— Позвольте представиться: американцы! — Позвольте представиться: американцы! — Позвольте представиться: американцы!

— От полковника Хаскеля? Из АРЫ?—не расслышав переспросил председатель.

— При чем тут АРА!—несколько обиделся вошедший. — Дело ясное: половина наша, половина ваша, посуда от нас, концессия на двадцать пять лет.

— Какая концессия? В чем дело?—забормотал ошеломленный председатель.

— И он еще спрашивает!—возмутился вошедший:—эти русские администраторы все узнают последними! У нас в Америке...

Но тут на оратора посыпался такой град вопросов, что понадобился бы целый печатный лист даже для самого краткого их перечисления.

И когда, наконец, вся история открытия и действия лесного источника на Сырых-Болотах сделалась ясна президиуму, председатель встал, нахмурился и крепко трижды сказал:

— Нет, нет и нет!..

И энергично разъяснил присутствующим:

— Россия не для американцев. Довольно!

Что «довольно»—об этом председателю не говорил: но это и без слов было тотчас понято всеми.

На следующий-же день немногочисленные обыватели города были удивлены и обрадованы расклеенным на всех стенах и витринах приказом № 2:

«Несмотря на происки Антанты,—гласил этот знаменательный приказ:—а также и других подозрительных лиц выяснилось, что Сыр-Глаголевский уезд имеет свою собственную аномалию»...

Далее сообщалось о предполагаемых качествах и свойствах вышеупомянутой аномалии и предлагалось радоваться и явиться на устраиваемый в Гортатре митинг.

«Сыр-Глаголевская аномалия и ее задачи».

Вполне понятно, что приказ № 2 сопутствовала не менее красноречивая передовая в «Известиях». Мало того, даже в центральных газетах появилось несколько обстоятельных корреспонденций и какое-то учреждение создало даже комиссию для исследования вышеупомянутой аномалии.

Но тем не менее паника в городе продолжалась и даже назначенный на 22-е отъезд председателя совместно с представителями заинтересованных ведомств в Сыр-Болотинскую волость истолковывался не иначе, как замаскированная эвакуация.

И хотя в официальных кругах города строились самые фантастические проекты и рождались радужные мечты, но уже два темных пятна маячили и на этом безоблачном официальном фоне.

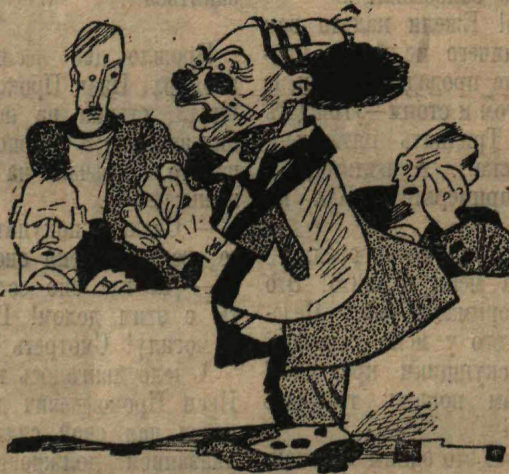
2-го как бы не выдержав какой-то конкуренции, лопнули внезапно и закрылись все местные пивные, прекратив таким образом поступление доброй половины местных налогов.

И далее: не только на всех перекрестках, но даже на первой странице «Известий» запестрели объявления Госспирта, уведомляющие граждан о том, что никакие фабрики Сыр-Глаголевской аномалии ни в коем случае не могут конкурировать с выпускаемыми Госспиртом превосходными наливками: перцовкой и «Спотыкачем», и также с «несравненной рябиновой» небезызвестной, но почему то частной фирмы.

Все это в глазах официальных кругов грозило в конце подорвать экономическое благосостояние всего края.

И потому не откладывая более, за день до срока, председатель на автомобилях выехал совместно с комиссией и нарядом милиции на Сырые Болота.

(Продолжение—в следующем номере).

— Позвольте представиться: американцы!

Детская жалоба.

Дорогой дядюшка Крокодил!

Мы, дети Юзовского Донбасса Красногвардейского рудника, посылаем тебе жалобу. Мы слышали, что ты любишь детей, помогаешь им учиться. Наш старший брат получает и журналы и «Рабочую Газету», а самый лучший журнал — «Крокодил».

Мы всегда смотрим картинки и говорим брату, чтобы он всегда приносил нам Крокодила, но читать мы умеем плохо, ничего не понимаем. В одном журнале была картинка: много маленьких детей держат знамя и написано: мы хотим выучиться читать Крокодил.

Вот мы, дорогой дядя, просим тебя помочь нам выучиться читать Крокодил и писать тебе письма. Нам очень трудно, мы сироты, мама наша больная никуда не годится, один брат хочет жениться и нам не помогает, а другой брат, старший, очень мало зарабатывает и не может нам купить сапог и пальто.

Мама ходила к нашему управляющему гражданину Агупову просила, чтобы он отдал заработок нашего брата. Мы рады были, когда наш брат написал большое заявление.

Мы думали, что получим деньги, купим себе сапоги и пальто и будем ходить в школу. Но мама пришла и сказала, что Агупов отказал и нам придется остаться неграмотными.

Мы стали плакать и просить маму и брата, чтоб они не оставили нас дома. Брат сказал, чтобы пожаловались Крокодилу.

Мама говорит, что дядя Агупов разрешил выписывать хорошо одетым господам много денег, а нашей маме отказал потому, что она бедная, а один дядя говорит, что он не коммунист, а квасник, кабы он был коммунист, он бы помог нам учиться.

Дорогой дядюшка Крокодил! Не дай нас в обиду, по-

моги нам учиться, заставь нашего хозяина принять нас в детдом или учиться при маме. Мы будем тебя очень благодарить. Когда мы выучимся читать и писать, мы тебя не забудем и еще больше полюбим.

Да здравствуют красный Крокодил!

Да здравствует юные пионеры!

1) Маруся 11 лет, 2) Вася 9 лет, 3) за неграмотного Кестика 7 лет Маруся Задорожная.

Адрес: Донбасс, Юзовка, Красногвардейский р-к.

Излишняя распорядительность.

15 лет тому назад, а может быть и больше, когда строился завод К-о Зингер существующими тогда властями было решено поставить заборы, как они стоят в настоящее время, и ни разу в течении этого времени эти заборы не вызвали никакой необходимости в перестановке.

Стоят они как раз саженей в 10 или больше от резервной канавы, так что между шоссе и заборами можно было бы построить второе параллельное шоссе. Вдруг как гром с ясного неба: на имя Механического Завода получена служебная записка от Московского Коммунального Хозяйства, где говорится: «На основании распоряжения Завдор-отд. тов. БАТРОВА — немедленно, (чуешь Крокодилушка) снести заборы»...

Хозяйственных денег у заводов мало. Переустановка заборов и уничтожение садов, в которых помещаются не только квартиры работающих, но и детский дом, вызовет солидные расходы. Не лучше ли, а главное в тысячу раз экономнее, оставить заборы на месте, а взамен снести на другое более подходящее место тов. БАТРОВА.

По моему, от этого республика больше пользы получит. Да в Совдураки будет меньше кандидатов.

Гильза.

Новое звено „Крокодил“.

Дорогой Крокодил!

Мы от В.-Устюжской дружины пионеров отряда им. Ленина шлем тебе привет. Нам

правятся твои нападки на врагов трудящегося класса, и мы в честь тебя назвали звено им. «Крокодил». Милый Крокодил, ты не один. У тебя есть смена юных красных крокодилят, которые всегда готовы крепко держать вилы в руках и колоть врагов рабочих и крестьян.

Звено Крокодил.

В.-Устюг.

Экономия.

Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. Р. К. И.
Рабоче-Крест.
Инспекция
Северо-Кавк.
Военного окр.
Июня 11 дня
1923 г.
№ 333623
Ростов н/Д.

Начальнику Политотд.
9 дивизион.

При проверке в порядке последующей ревизии авансового счета № 7574 от 14-го декабря 1922 г. усмотрены счета от 24 октября 22 г. на 300 р. от 11 ноября на 7.00 р. частично оплаченные гербовым сбором, какие-либо надлежит доплатить дополнительно гербовым сбором в сумме 23 к. дензнаками 23 г., какие-либо деньги надлежит внести в финкассе СКВО предоставив в РКИ СКВО соответствующую квитанцию во вносе денег в доход Республики.

Основание: Ст. 13 п. «А» от. 14 Гербового Устава.

(Подпись).

Для ясности нужно прибавить, что Подив 9 размещен в гор. Нахичевани и для того, чтобы заплатить в финкассе СКВО требуемые 23 коп. (обр. 23 г.) необходимо проспать на трамвае до Ростова 3—4 версты и заплатить 16 рублей (зн. 23 г.). Конечно, для «казенной копейки и рубля не жаль». Только, ведь и рубль то тоже «казенный».

Не вышлешь ли ты, Крокодил: Начальнику РКИ СКВО учебник арифметики. Дай ему возможность подучиться!

Тен.

Все товарищи читатели, не внесшие свой взнос на

АЭРОПЛАН КРОКОДИЛ,

должны поторопиться и внести его до 1-го января 1924 г.

Праздник урожая.

17-го октября у нас в школе имени Свердлова праздновали праздник урожая. Учитель велел принести по 50 р. на угощение. Кто мог принести эти деньги, для того был праздник урожая, а кто не мог принести, для того был праздник неурожая.

Одни дети ели конфеты, пирожки и яблоки, а другие, стоя за дверями, глотали слюнки.

Дорогой Крокодил! Дай за это учителю премию совдурака.

Ученик Абрам.

МОСКВА.

Давыдову.

«Загляну я в витрины зеркальные.

Причешусь на прямой, я пробор,

Заведу разговоры скандальные,

И из сердца я вынесу сор».

Не выносите из избы сору.

Иванскому.

«Если бы не было нас, чудачков.

То не было бы совдураков».

Еще бы! Только к какой категории следует вас отнести?

ПРОВИНЦИЯ.

Тифлис — С. Некрасову.

«Чую я, что вы, возможно,

Шпилек пустите ко мне

И меня так осторожно

Вы найдете в дураке».

Предчувствие вас не обмануло.

Дунаевцы — Тигренку. Крокодилу нужны не общие рассуждения о совдураках, а точные сведения.

Орезово-Зуево — Никольскому. Присланное носит личный характер.

Владимир — Орому, д. Крутик — Голопуенко, Иркутск — Прибыткову, Петрозаводск — 22, Саратов — Веберу — не пойдет.

Архангельск — Макаровичу. «О телефонных барышнях» писалось еще чаще, чем о попах. Не пойдет.

Казань — Аргу. Аргу пишет: «Сбросив с плеч «деми-сезон», Манерой выказал «бон-тон», К маникюру он скользит, Брюхо спереди висит».

И предлагает: «Могу быть вашим корреспондентом». Спасибо. Но лучше не надо.

Редактор — Ред. Коллегия.

Издание „Рабочей Газеты“.

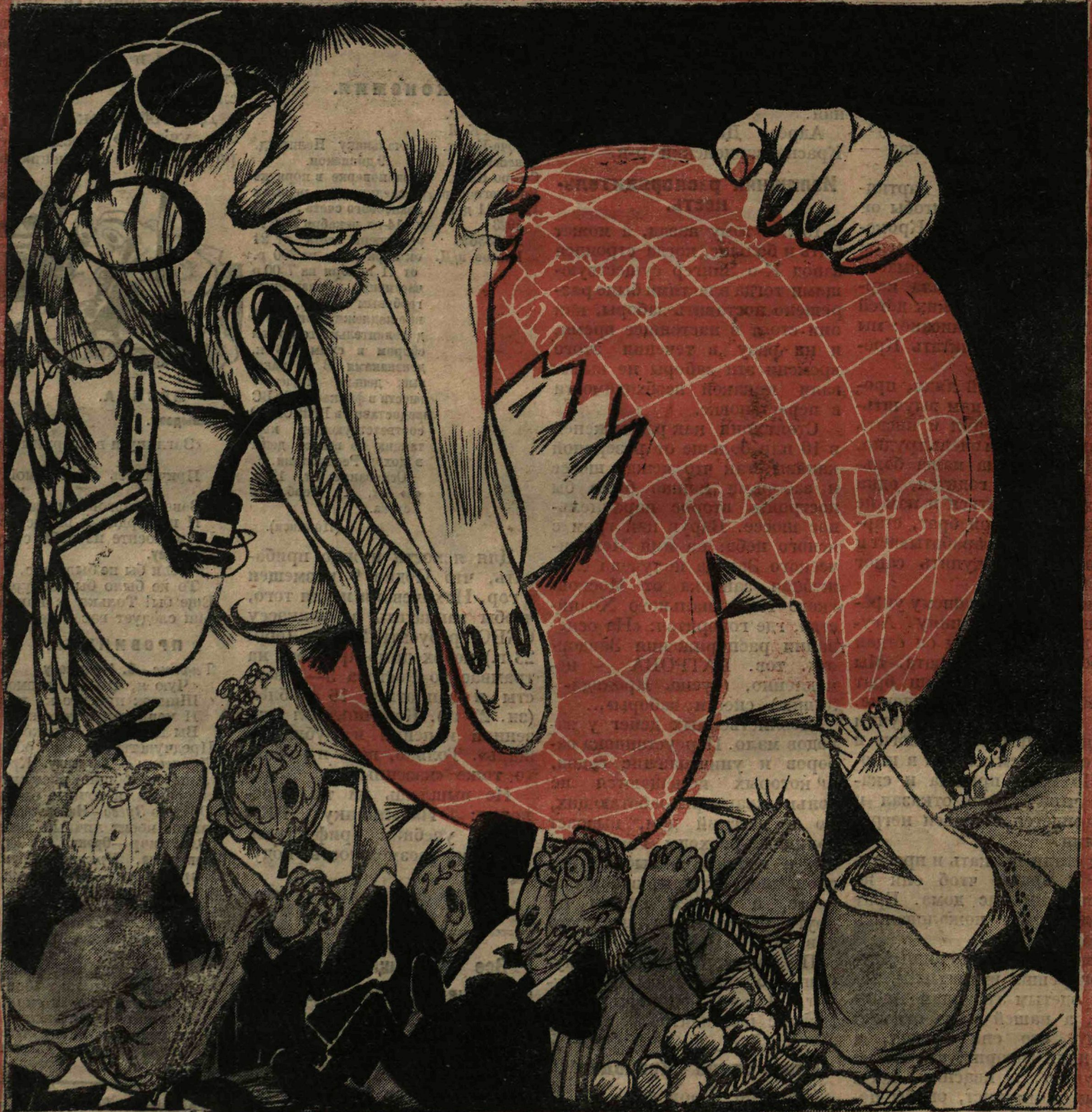
МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

К КОНЧИНЕ МИРА.

За последнее время среди обывателей (богомолков, салонниц и прочих «верующих») особенно участились различные слухи и пересуды о близкой кончине мира.

Рис. М. Черемных.

КРОКОДИЛ: — Я знаю, вы ждете конца мира, чтобы вместе с ним погибли ненавистные вам большевики. Но напрасны ваши ожидания. Не беспокойтесь. Мир будет существовать. Мы его сохраним!..